

hotly defended the greatness of human spirit, purity and novelty of aims, determination to reject the decayed chains of conventions, dogmas and prejudices of the civilization, that has got to deep crisis. Nietzsche urged to overcome the laws of slave morality, which loves and protects mediocrity, may actually impede the development of the new human type appropriate to the future civilization. But he doesn't call for absolute indifference to the nature of values and abolition of any moral criteria, as it would become self-destructive for the ordinary person. An individual himself for Nietzsche has to be the carrier of the moral law and doesn't need in any guardianship. Free self-determination of the personality is the only possibility of transition to higher level of human existence, to formation of bases of a modern civilization.

Keywords: traditional values, modern morals, Nietzschean, Christianity.

References

1. Kutlunin A. K., Malyshev M. F. (1990) Estetizm kak sposob ponimaniya zhizni v filosofii Nitzhe [Estheticism as a way of understanding of life in Nietzsche's philosophy], *Filosofskiye nauki. Sbornik nauchnykh trudov po filosofii*. V³p. 9, Kyiv, 167 p.
2. Nitzhe F.V. (2015) Veselaya nauka [Cheerful science], *Moscow*, Folio, 560 p.
3. Fukujama F. (2004) Doveriye [Trust], *Moscow*, OOO AST, 730 p.
4. Ril A. (1999) Nitzhe kak hudozhniki myslitel: biografija otdelnoy lichnosti [Nietzsche as artist and thinker: biography of the individual]. *Moscow*, Elektropechatnya K. A. Chetverikova, 124 p.

Стаття надійшла до редакції 16.03.2017.

Стаття прийнята 18.04.2017.

УДК 130.2

Владимир Гуржи

«РУССКИЙ МИР» КАК РЕЛИГИОЗНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ РУССКОЙ ИДЕИ В

ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ. РИСКИ ДЛЯ УКРАИНЫ

В статье рассматривается проект «Русский мир», как механизм развертывания конфликтных ситуаций и мобилизации, исследуется характер, цели и средства воздействия на общественное сознание феномена «русский мир». Показаны истоки проекта, ход его внедрения в интеллектуальных и властных кругах российского общества. Доказано, что в качестве инструмента глобальной конкуренции, проект «русского мира» является альтернативой западному проекту культурного развития и может быть достаточно эффективным.

Ключевые слова: «русский мир», идентичность, глобальная конкуренция, ценности, «мягкая сила».

Несмотря на то, что тема «русского мира» достаточно популярна в украинских и мировых СМИ, сущность, задачи, средства воздействия «Русского мира» довольно редко попадают в фокус внимания исследователей. Что такое «Русский мир»? Каковы последствия реализации этого проекта сегодня и чего ожидать завтра? Из чего состоит этот проект и на чем базируется его мобилизационный потенциал? Эти вопросы требуют адекватного ответа. Несмотря на то, что представление о «русском мире» и соответствующие структуры, в пределах которых осуществляется финансирование деятельности по продвижению его идей, были сформированы не так давно – где-то на рубеже XX и XXI веков, корни «русского мира» надо искать в более древней истории.

Распад СССР, как бы ему не относиться, стал геополитическим потрясением для миллионов людей. 43% опрошенных «Левада-Центром» россиян и сегодня называют самой большой личной потерей, после распада СССР, потерю «великой державы» [5, с. 39]. За короткий срок был изменен политический ландшафт Европы, а бывшие советские республики начали самостоятельную жизнь. Хотя Россия и осталась правопреемником СССР, она уже не могла продолжать его политику и должна была найти ответы на вызовы, связанные с изменением собственного положения в мире.

При этом экономические и социальные проблемы, которые стояли перед Россией, как и перед всеми другими республиками, не являлись главными из них. Кроме них и в первую очередь необходимо было что-то делать с мышлением людей, которые еще вчера жили в самом большом и могучем (по крайней мере, с их точки зрения) государстве, бросившем

вызов ведущим западным демократиям в вопросах экономических, социальных и политических ориентиров общественного бытия. Нельзя было надеяться, что миллионы людей, которые вчера видели в США и Европе своих главных врагов, сегодня вдруг станут их апологетами. Более того, учитывая историю становления идеи Российского государства с ее религиозными акцентами и вечным оппонированием Западу, следует задаться вопросом, таким ли уж исключением из общей русской истории был советский период.

Ответом на цивилизационный вызов стал, как только были решены безотлагательные вопросы первых лет российской независимости, поиск ментальных форм, которые были бы релевантны указанным духовным запросам и могли бы консолидировать постсоветское общество. Понятно, что новые концепции и символы должны были иметь отношение к историческому прошлому России, но не быть вместе с тем коммунистическими. Именно поэтому, уже в 90-е годы в СМИ и научной литературе развернулись идеологические дискуссии о будущем РФ и ее роли на мировой арене. Именно тогда и была реанимирована концепция «русского мира», корни которой, по убеждению сегодняшних сторонников, достигают то ли XIX, то ли даже XI века.

Цель статьи – исследовать природу, методы и средства воздействия проекта «Русский мир», как инструмента мобилизации и развертывания конфликтных ситуаций.

В качестве инструмента глобальной конкуренции, проект «русского мира», опирающийся на религиозные ценности, является очевидной альтернативой западному проекту культурного развития и может быть достаточно эффективным. В первую очередь это связано с высокой привлекательностью и большим мобилизационным потенциалом данной концепции, ведь она, так сказать, «официально» не несет в себе политической или социально-экономической ангажированности, а лишь культурные, религиозные и этические смыслы. «Русский мир» «не ограничивает» Россию только ее пределами, а наоборот, открывает возможности внешнеполитического влияния на страны, где существует русскоязычная диаспора. Но речь идет об очень эффективном инструменте. Идейними основами «русского мира» стали идеологемы, которые повлияли на формирование российской идентичности как таковой. Это идеологема «Москвы – третьего Рима» и концепт «Святой Руси».

Важно подчеркнуть, что самоосознание Московского государства и его становление в геополитическом измерении формировались именно в религиозной среде. Во время Ферраро-Флорентийского собора в середине

XV века, христиан восточного обряда представляли, в числе других, патриарх Константинополя Иосиф II и митрополит Киева Исидор (резиденция которого находилась в Москве). Фактически это была последняя попытка спасти Константинополь от завоевания турками-османами. В обмен на военную помощь Запада, Византия согласилась признать верховенство Папы и католической догматики с частичным сохранением восточного обряда, что было однозначно негативно воспринято в Москве. Как отмечает украинский исследователь И. Пасько: «Важнейшим актом... грехопадения Константинополя в глазах московского клира стала Флорентийская уния 1439 между византийской ортодоксией и римским католичеством. Она окончательно доказала, что политическая целесообразность не может оправдать духовно-канонического отступничества и идейной измены. Неоспоримым доказательством этого стало то, что только несколько лет спустя второй Рим пал под Портой. Для Москвы это уже было окончательным знаком окончательной дехаризматизации греческой Церкви» [12, с. 156].

После принятия Флорентийской унии митрополит Киевский вернулся в свою резиденцию в Москве. На первой литургии, которая уже проходила по Западному обряду [10], он встретил сопротивление части духовенства и, что не менее важно, Великого Князя. Василий II созвал Собор Иерархов, на котором Флорентийскую унию признали нарушающей православную традицию и ей не соответствующей, а сам Исидор был назван еретиком. От Киевской церкви отделилась Московская, во главе которой стал Митрополит Иона. Фактически произошла победа Москвы в борьбе за религиозную независимость от Константинополя. Однако тем самым углубился раскол не только между западной и восточной ветвями христианства, но и между собственно восточными церквями.

Захват Константинополя сыграл важную роль, как в мировой истории, так и в истории Московии. Создание поместной церкви в Москве и завоевание II-го Рима, Константинополя, способствовало дозреванию идеи о вселенскости Московской церкви, единственной, сохранившей аутентичную веру и не вступившей в преступное соглашение с католицизмом. Эти идеи стали идеологической основой известного послания старца псковского Филофея к Великому Князю Василию III. В частности, Филофей таким образом обосновывает тезис об избранности московского царя и государства: «Церкви старого Рима пали из-за неверия Аполлинариевой ереси; двери церквей второго Рима, города Константинополя, внуки Агари секирами рассекли. Теперь же это – третьего нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь, которая до края вселенной православной

христианской верой по всей земле сильнее солнца светится. Пусть знает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в одно твое царство: один ты во всей поднебесной христианам царь. Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится» [15].

Убедительным символом принятия Москвой наследия Константинополя, по мнению российского историка Александра Карташова, следует считать и факт принятия Иваном III герба восточной Римской империи – двуглавого орла, а также титула «самодержца» [8, с. 24]. Здесь можно вспомнить и о попытке князя Ивана III вступить в династический союз с князем Феодоро – Исааком [11], который также претендовал на наследие Византии и имел в гербе византийского орла. Но идеи Филофея были разработаны позднее, во времена противостояния славянофилов и западников.

В 1654 г. состоялась Переяславская рада, на которой было принято решение об объединении Войска Запорожского и Московского царства. Такое значимое событие нуждалось, кроме согласования дел политических и социальных, также и в церковном согласии. Киевская церковь подчинялась Константинополю и была более «греческой» по своей сути. В Киеве функционировала Академия, что, во-первых, открывало учащимся доступ к философской и религиозной литературе, а, во-вторых, давало возможность обучать собственных богословов и философов, поддерживало непрерывную идейную и духовную связь с Константинополем. Ничего подобного в то время в Московии не было, однако Киевскую митрополию передали в подчинение Москве в конце XVIII столетия [1, с. 173].

Однако не все в Москве были в восторге от «европеизации»: память о Ферраро-Флорентийском соборе, как и духовная традиция, выросшая после него, была довольно прочной. Высказывание Митрополита Филиппа I очень точно передает тогдашние ощущения московского православия: «Как только Константинополь сочтелся с латиной, то и сразу попал в руки плохие» [12, с. 158]. То есть для Москвы сформировалась экзистенциально предельная ситуация: или провести модернизацию по европейскому образцу и перестать существовать как последний форпост православия (то есть по сути истинного христианства) – «третий Рим падет», а как известно «четвертому не быть», или остаться в пределах своей традиции и отказаться от греческих заимствований. Как известно из истории, на этом основании произошел церковный раскол, который длился почти три столетия.

Различные взгляды на дальнейшее развитие государства, подпитываемые регулярными контактами с Западом, конфликтно сосуществовали в Московии, а затем России в течение почти всей дальнейшей истории существования государства. Так, в середине XIX века возник спор славянофилов и западников. Славянофилы во многом взяли на вооружение идеи Филофея и отстаивали идею особого типа культуры, возникшей на почве православия. Они пытались выявить самобытные особенности России, ее отличия от Запада, наметить особый путь, по которому Россия должна донести православные истины погрязшему в ереси Западу и, по некоторым представлениям, создать единое православное государство со столицей в Константинополе. В противоположность им, западники подчеркивали, что Петр I вернул Россию в семью европейских народов, и она и дальше должна продолжать политическое, экономическое и культурное сближение с западной Европой. Именно в этом идеологическом противостоянии можно увидеть зачатки концепции «русского мира», которая делала акцент на особенностях русской культуры и цивилизационного пути и противопоставляла их западным аналогам.

Таким образом, даже краткий исторический экскурс показывает, что идеи, близкие к идеям «русского мира», появлялись в России в течение всего периода ее становления. Однако, в отличие от своих исторических предшественников, мировоззренческий и ценностный потенциал «русского мира» вполне актуален и может быть использован для мобилизации антизападных движений, предоставляя им базис для теоретического обоснования собственных убеждений и неутилитарные ориентиры развития.

Дискуссию о «русском мире», которая велась в России в 1990-х – начале 2000-х гг., надо понимать именно в свете попытки сохранить культурную идентичность русского народа или даже найти новую, взамен утраченной советской. Достаточно интересным с этой точки зрения следует считать проект «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания» [7], в котором приняли участие А. Кураев, С. Чернышев, В. Каганский, С. Кургинян, П. Щедровицкий и многие другие. Это четырехтомное издание, хотя и не являлось монографическим исследованием, тем не менее, было объединено общим замыслом. Суть проекта, если воспользоваться цитатой из этого же издания, сводится к следующему тезису: «Иное – философский пароход, который возвращается на родину» [17].

В основу работы положено осмысление тех принципиальных вызовов, с которыми столкнулась Россия после распада Советского Союза, однако свой проект авторы рассматривали и как некую идеологическую

революцию, подчеркивая авангардную роль высказанных в нем положений. Авторы проекта отводили себе роль сознательных инициаторов идеологического процесса возрождения мощи постсоветской России: «По глубокому убеждению составителя, комплекс идей, представленных в книге «Иное», с лихвой и даже, может быть, с многократным избытком обеспечивает решение задачи, которая подразумевается: возрождение страны – сначала в духе, а потом во плоти» [17].

Интересно, что уже тогда в центре идеологемы находился образ России как особого духовного пространства с собственной судьбой и путем (см.: [4]). Важной конституентой новой парадигмы выступает религия, а русский язык становится рычагом расширения влияния России в мире.

Начиная с 2004 года, российские идеологи начали актуализировать те базовые ценности, на основе которых можно проводить внешнюю политику и при этом надеяться на победу в глобальной конкуренции наций. Защита интересов русскоязычного, православного населения для этого прекрасно подходила. Характерным в этом контексте следует считать высказывание бывшего заместителя главы департамента соотечественников за рубежом А. Чепурина, который еще в 2004 году сказал: «Российская диаспора предлагает социальную и гуманитарную основу для осуществления интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве...», «... в качестве геополитической концепции, «русский мир» полезен в странах Восточной Европы, которые Россия намерена держать в своей орбите и в которых она готова пойти на интервенцию, в случае, если те выберут иную внешнюю политику» [16].

В 2004 году выступая на VIII Всемирном русском народном соборе тогдашний министр иностранных дел РФ И. Иванов подчеркивал важность существования единой православной церкви в пределах бывших республик СССР: «...первостепенное значение принадлежит здесь странам СНГ. Содружество своими границами почти совпадает с пределами канонической территории Московского Патриархата... На фоне распада многих ранее существовавших связей, религиозный фактор сохраняет свое объединительное, интегрирующее значение» [2].

В конце 2006 года президент РФ В. Путин на встрече с творческой интеллигенцией сказал: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – русский мир». Позднее, когда в 2007 году указом Президента РФ №796 [14] был создан фонд «Русский мир», который ставил целью популяризацию в России и мире русского языка и культуры, он начал играть и значительную

геополитическую роль. Масштабы деятельности фонда огромны – по свидетельству его исполнительного директора В. Кочина, уже в 2014 году под эгидой фонда в 45 странах мира работало 100 Русских центров и 145 кабинетов «русского мира», а к 2020 году правительство России планирует потратить 3,75 миллиарда рублей на популяризацию русского языка в мире.

Летом 2008 г. Сергей Лавров выступает с программной статьей «Россия и мир в XXI в.». В ней, в частности, содержится своеобразный мировоззренческо-аксиологический манифест, обосновывающий новое видение глобальных столкновений: «Уже нет сомнений, что после окончания холодной войны завершился длившийся 400–500 лет этап мирового развития, в течение которых в мире доминировала европейская цивилизация... Запад. Есть два принципиальных подхода к оценке того, в чем заключается смысл этого этапа развития человечества. Первый – мир через принятие западных ценностей постепенно должен превратиться в Большой Запад. Это своеобразный вариант «конца истории». Второй подход – и мы его разделяем – заключается в том, что конкуренция приобретает глобальный характер и цивилизационное измерение. То есть предметом конкуренции выступают, в том числе и ценностные ориентиры и модели развития» [9].

На III Ассамблее «Русского мира» в ноябре 2009 г. Патриарх Кирилл отметил, что каждой Поместной Православной Церковью формируется собственная «духовная традиция», а собственно «русский мир» является духовным единством, которое культивирует и передает из поколения в поколение идеалы «Святой Руси» [3]. Религиозные мотивы являются для «русского мира» определяющими и в историческом смысле: «Ядром русского мира сейчас является Россия, Украина, Белоруссия, и святой преподобный Лаврентий Черниговский выразил эту идею известной фразой: «Россия, Украина, Беларусь – это и есть Святая Русь». Именно такое понимание русского мира положено в современном названии нашей Церкви.» [3], – эти слова Патриарха Московского передают, по крайней мере, церковный взгляд на сущность и территориальное пространство русского мира.

Изменение угла зрения, под которым рассматривались мировые события из Москвы, постепенно привело к существенным изменениям не только в риторике, но и в мышлении российских руководителей, которую Игорь Завелев охарактеризовал как «иррациональное сочетание дискурсов о национальной идентичности, международную безопасность и сохранение внутренней стабильности» [6]. По мнению политолога, это обусловлено тем, что все три дискурса указывают на общего врага – Запад: «В России сформировалась новая внешнеполитическая доктрина, которая опирается

на комплекс идей об уникальности российской цивилизации, русский мир и необходимость защиты соотечественников, в том числе и силовыми средствами» [6].

В качестве выводов можно отметить, что концепция русского мира, которая в той или иной форме на протяжении нескольких веков играла роль самоидентификации Московского и Российского государства в ее взаимоотношениях с Западом, сегодня приобрела новую форму. Возрожденная после девальвации коммунистической идеологии, новая идеологема превратилась в инструмент конкурентного соревнования в глобальной игре. Был ли этот проект в его новейшей реинкарнации задуман как оружие идеологических и просто войн (определенные свидетельства в пользу этого тезиса были приведены выше), или он созрел как средство сохранения русской идентичности и культуры, но сегодня он превратился в действующую религиозно-мотивированную альтернативу того глобального проекта развития, который был создан Западом. Можно с уверенностью ожидать, что при любом развитии событий та перспектива мышления, которая открывается в пределах парадигмы «русского мира» – учитывая ее востребованность в современной России, консолидирующий ресурс и влияние на восприятие современных и интерпретацию исторических событий – будет оставаться весомым фактором в формировании политики России в ближайшие годы.

Мировоззренческо-ценностный потенциал «русского мира» может быть использован и используется для мобилизации антизападных движений, предоставляя им базис для обоснования собственных убеждений и достаточно привлекательные неутилитарные ориентиры развития. Однако, «русский мир» представляет собой не только полноценный глобальный проект, но и новую форму артикуляции русской идеи. В связи с этим он несет внутренние и внешние риски: во-первых, вытесняет из пространства формируемых им смыслов русских мусульман, т. к. их идентичность содержит ценности, апеллирующие к нехристианской системе религиозных смыслов. По разным данным в зоне риска оказывается от 20 до 50 миллионов проживающих в РФ мусульман, что может создавать области напряженности внутри самой России. Во-вторых, несет угрозу для окружающих РФ стран, так как в рамках проекта «русского мира» их суверенитет и существование в целом могут быть поставлены под сомнение. Неоднозначность, значительный потенциал и агрессивность проекта русского мира, а также его религиозное ядро, превращают этот проект в вызов светской западной цивилизации.

Список использованной литературы

1. Білокобильський О. В., Мошовський Т. М. Релігійні підвалини нації та українська націогенеза // Практична філософія.– № 3 (25).– Київ, 2007.– С. 168–176.
2. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С.Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе / URL: <https://mospat.ru/archive/page/church-and-society/30422.html>
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира / URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>
4. Гуржи В. С. Наслідки реалізації доктрини «русский мир» в Україні // Схід.– Маріуполь, 2015.– № 2.– С. 34–40.
5. Гуржи В. С. Доктрина «русского мира» як відповідь Росії на кризу 1990-х // Схід.– Маріуполь, 2017.– № 1.– С. 93–96.
6. Завелев И. А. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // Россия в глобальной политике.– М., 2014.– № 2 / URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Granitcy-russkogo-mira-16582>
7. Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>
8. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви.– Т. 1.– М.: Наука, 1991.– 338 с.
9. Лавров С. В. Россия и мир в XXI веке // Россия в глобальной политике.– М., 2008.– № 4 / URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11159.
10. Митрополит Исидор и Флорентийская уния / URL: <http://onkim.orthodoxy.ru/myworks/Isidor.htm>
11. Наследники князя Алексея / URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/knyazhestvo-feodoro-i-ego-knyazy-a-krimsko-gotskiy-sbornik5.html>
12. Пасько І. Т. Універсалія християнства та differencia specifica її буття в історії.– Ч. 3.– Від Візантії до Русі: контрверзи еволюції // Схід.– № 4 (118).– Донецьк. 2012.– С. 155–159.
13. Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Евразийский современник.– Кн. V.– Париж, 1927.– С. 165–184. / URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns02.htm>
14. Указ президента Российской Федерации о создании фонда «Русский мир» / URL: <http://russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php>
15. Послания старца Филофея / URL: <http://his95.narod.ru/doc00/filifei.htm>.
16. Российское лобби (факты и рассуждения) / URL: <http://eva.ru/eva-life/messages-3312848.htm>
17. Чернышев С. Апология составителя / URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>.

Володимир Гурґи

**«РУССКИЙ МІР» ЯК РЕЛІГІЙНА АРТИКУЛЯЦІЯ РОСІЙСЬКОЇ ІДЕЇ
У ГЛОБАЛЬНУ ЕПОХУ. РИЗИКИ ДЛЯ УКРАЇНИ**

У статті розглядається проект «Русській мір», як механізм розгортання конфліктних ситуацій і мобілізації, досліджується характер, цілі і засоби впливу на суспільну свідомість феномену «русській мір». Показані витоки проекту, хід його впровадження в інтелектуальних і владних колах російського суспільства. Доведено, що в якості інструменту глобальної конкуренції, проект «русского міра» є альтернативою західному проекту культурного розвитку і може бути досить ефективним.

Ключові слова: «русській мір», ідентичність, глобальна конкуренція, цінності, «м'яка сила».

Volodymyr Hurzhy

**«RUSSKIY MIR» AS A RELIGIOUS ARTICULATION OF THE RUSSIAN
IDEA IN THE GLOBAL ERA. RISKS FOR UKRAINE**

In the article are investigated nature, goals and means of influencing of the phenomenon of «Russkiy Mir». What it is? What are the implications of this project today and what can we expect tomorrow? What is the essence of the project and what is its mobilization potential based on? These are the main issues of the study.

In the article is shown that the project arose as a result of Russia's searching for answers to changing its own position in the world (due to the collapse of the USSR, the change of the political landscape of Europe and the political course of the RF itself). In the 1990s, Russia tried to preserve its influence on the former Soviet republics, which became the path to independence, in any way. All of these are resulted in a series of military conflicts, but they were not sufficiently ideologically elaborated..

The author concludes that in any development of events, and the prospect of thinking that opens within the framework of the «Russkiy Mir» paradigm – taking into account its consolidated resource demand and the influence on contemporary perceptions and the interpretation of historical events will remain a significant factor in shaping Russia's policy now.

Keywords: «Russkiy Mir», identity, Global competition, values, «soft power».

References

1. Bilokobyl'sky O. V., Moshov'sky T. M. (2007) Relihiyni pidvalyny natsiyi ta ukrayins'ka natsioheneza [Religious foundations of the nation and Ukrainian nationalogenesis], *Praktychna filosofiya*, № 3 (25), Kyiv, pp.168–

176

2. Vystuplenye mynystra ynostrannykh del Rossey'skoy Federatsyy Y. S. Yvanova na VIII Vsemyrnom Russkom Narodnom Sobore [Statement by Russian Foreign Minister Igor Ivanov at the VIII World Russian People's Council], URL: <https://mospat.ru/archive/page/church-and-society/30422.html>
3. Vystuplenye Svyateysheho Patryarkha Kyrylla na torzhestvennom otkrytyi III Assambley Russkoho myra [Speech of His Holiness Patriarch Kirill at the Opening Ceremony of the Third Assembly of the Russian World], URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>.
4. Hurzhy V. S. (2015) Naslidky realizatsiyi doktryny «Russkiy mir» v Ukrayini [Consequences of the implementation of the «Russkiy mir» doctrine in Ukraine], *Skhid, Mariupol*, ! 2, pp. 34–40.
5. Hurzhy V. S. (2017) Doktryna «Russkoho mira» yak vidpovid' Rosiyi na kryzu 1990-kh [Doctrine «Russkiy mir» as an Russia's response to the 1990 crisis], *Skhid, Mariupol*, ! 1, pp. 93–96.
6. Zavelev Y.A. (2014) Transformatsyya natsyonal'noy ydentychnosty y novaya vneshnepolytycheskaya doktryna Rossyy [Transformation of national identity and the new foreign policy doctrine of Russia], *Rossyya v hlobal'noy polytyke, Moskva*, ! 2, URC: <http://www.globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira-16582>
7. Ynoe. Khrestomatyya novoho rossyiskoho samosoznannya [Other. Reader of the new Russian identity], URC: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>
8. Kartashev A. V. (1991) Ocherky po ystoriyy russkoy tserkvy. T. 1. [Essays on the history of the Russian church. V. 1], *Moskva*, Nauka, 388 p.
9. Lavrov S. V. (2008) Rossyya y myr v XXI veke [Russia and the world in the 21st century], *Rossyya v hlobal'noy polytyke, Moskva*, ! 4, URC: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11159
10. Mytropolyt Ysydor y Florentyyskaya unyya [Metropolitan Isidore and the Florentine Union], URC: <http://onkim.orthodoxy.ru/myworks/Isidor.htm>
11. Naslednyky knyazya Alekseya [The heirs of Prince Alexis], URC: <http://www.krimoved-library.ru/books/knyazhestvo-feodoro-i-ego-knyazya-krimsko-gotskiy-sbornik5.html>
12. Pas'ko I. T. (2012) Universal'niya khrystyianstva ta differentsiya spetsyfica yiyi buttya v istoriyi, Ch. 3, Vid Vizantiyi do Rusy: kontroverzy evolyutsiyi [Universality of christianity and differentsiya spetsyfica of its stage in history. P. 3. From Byzantine to Rus: controversions of evolution], *Skhid, Donetsk*, ! 4, pp. 155–159.
13. Trubetskoy N. C. (1927) K ukraynskoy probleme [To the Ukrainian problem], *Evrasyyskiy sovremennyk, Paryzh*, pp. 165–184, URC: <http://>

- gumilevica.kulichki.net/TNS/tns02.htm
14. Ukaz prezidenta Rosyyskoy Federatsyy o sozdanyy fonda «Russkiy myr» [decree of the president of the Russian federation on the creation of the «Russian world» foundation], available at: <http://russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php>
 15. Poslanyya startsa Fylofeya [Epistles of Philotheos], URL: <http://his95.narod.ru/doc00/filifei.htm>
 16. Rosyyskoe lobby (fakty y rassuzhdenyya) [Russian lobby (facts and arguments)], URL: <http://eva.ru/eva-life/messages-3312848.htm>
 17. Chernyshev S. (1995) Apolohyya sostavytelya [Apology of the originator], URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>.

*Стаття надійшла до редакції 10.10.2017.
Стаття прийнята 4.11.2017.*

УДК 001:130

Фаріда Тихомірова

ПАМ'ЯТЬ ТА ЗАБУТТЯ У ПРОСТОРИ МІСТА

У статті актуалізуються проблеми міської ідентичності у міждисциплінарних дослідженнях міста, одним з напрямків якого стає увага до певного локального простору та ідентичності. Метою даної статті є спроба розкрити певні аспекти антропології міського простору та ідентичності на прикладі Одеси. Позитивна одеська ідентичність не може асоціюватися виключно з якоюсь однією епохою або одним міфом, символом, з жорсткою національною ідентичністю.
Ключові слова: територіальна ідентичність, регіональна ідентичність, локальна ідентичність, міська ідентичність, ребрендинг міста, міський міф.

Дослідження ставлення до минулого стають перспективним напрямком міждисциплінарної взаємодії історії, соціології, етнопсихології, соціальної та культурної географії, антропології міста, економіки, культурології, соціальної філософії та філософії історії. Особливо актуальною стає проблема комеморативних практик, що створюються та розвиваються у просторі міста, безпосередньо є витворами міського способу життя, у випадку коли суспільство проходить через період соціокультурних змін, зламу традиційних стандартів мислення коли в свідомості людей стикаються несхожі або навіть протилежні ціннісні системи. Країни Центральної Африки (територія історичного Конго) досі занурені в хаос і насильство, так і не оговтавшись від ударів колоніального минулого.

Метою даної статті є спроба розкрити певні аспекти urban history, співвіднесеності пам'яті та забуття на прикладі Одеси.

Можливість маніпуляцій із елементами історичної пам'яті, використання PR- і «рекламних» стратегій їх просування відкривають для влади можливості використовувати історичну пам'ять як потужний ресурс. Не випадково також і те, що побудова нових держав на пострадянському просторі супроводжувалася радикальним переглядом саме концепцій національних історій, а також культурної політики, пов'язаної з переосмисленням свят і пантеону героїв [3]. Міська історія як важлива складова історичної політики в цьому сенсі виходить на перший план.

Місто як соціальний та історичний феномен досліджують не тільки історики, спеціалісти з музейної справи, географи та соціологи, а й політологи, архітектори, мистецтвознавці та культурологи. Багатоаспектність проблеми і відсутність загальних концептуальних схем призвела до того, що місто найчастіше описують і вивчають в окремих